

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ ИОСИФЕ ЭМИНЕ

(Из истории армяно-русских отношений)

Вернувшись в мае 1761 г. в Лондон из путешествия по Армении, Иосиф Эмин стал готовиться к поездке в Россию. Известно, что о его жизни в этот период имеется очень мало сведений. Публикуемые документы в какой-то степени помогают восполнить этот пробел.

Перед нами два автографа. Первый принадлежит самому Иосифу Эмину. Это письмо на английском языке, адресованное российскому послу в Лондоне князю А. М. Голицыну. Второй—письмо на французском языке А. М. Голицына к графу М. И. Воронцову, канцлеру России. К последнему документу примыкает перевод на французский язык упомянутого обращения Иосифа Эмина, которое А. М. Голицын отослал в Петербург вместе со своим письмом.

Что дает внимательное чтение и анализ публикуемых документов?

1. По возвращении в Лондон Иосиф Эмин решает встретиться российским послом и для осуществления своей идеи заручиться его рекомендациями к государственным деятелям России. Выясняется, что эта встреча состоялась. Не вызывает сомнений, что она была организована английскими покровителями Эмина графом Нортумберлендом и лордом Батом. Что же касается времени встречи, вероятнее всего, Голицын принял Эмина во второй половине августа 1761 г. Известно, что Эмин собирался через Россию поехать в Грузию, и поскольку его письмо к Голицыну датировано 1-м сентября 1761 г., стало быть, он был принят русским послом незадолго до написания письма. Во время беседы с А. М. Голицыным Иосиф Эмин, несомненно, рассказал о себе и поведал хотя бы в общих чертах о цели своей поездки в Россию. Здесь мы должны сделать еще одно предположение, которое не только вытекает из всего хода описываемых событий, но и подтверждается следующей фразой из письма Эмина. Говоря о том, что он берет на себя смелость представить Голицыну краткий отчет о событиях своей жизни, Эмин пишет: «Они (биографические сведения,—Ж. А.) вряд ли заслуживают внимания Вашего Превосходительства, однако же повиновение, коим я Вам обязан, предписывает мне со всем тщанием исполнить это» (док. № 1). В данном контексте эта фраза скорее несет в себе конкретную информацию, нежели является вступительной частью обращения. Надо полагать, что в ходе беседы Голицын предложил Эмину вкратце изложить на бумаге как его просьбу, так и биографию. Собственно, в исполнении этого поручения и заключалось «повиновение» Иосифа Эмина. Его письмо приобретало силу документа, что и позволило русскому послу уже по официальным каналам дать ход «делу» Эмина. А. М. Голицын переводит письмо Иосифа Эмина с английского на французский язык (М. И. Воронцов не знал английского) и вместе со своим сопроводительным письмом, написанным также на французском языке, пересылает его канцлеру России.

2. Приему Эмина князем Голицыным предшествовала беседа его покровителей Нортумберленда и Бата с русским послом: Голицын, как выясняется из документа № 1, предварительно был информирован о намерениях Эмина. Выясняется также, что английские друзья Иосифа Эмина не только снабдили его соответствующими рекомендациями к влиятельным в Петербурге лицам, но прежде всего позаботились расположить к нему Голицына, оказав последнему какую-то важную услугу.

3. В письме к послу России Иосиф Эмин свои пожелания облекает в форму конкретных просьб. Во-первых, рекомендовать его в Петербурге какому-либо влиятельному лицу с тем, чтобы быть представленным проживавшему в русской столице гру-

зинскому царю Теймуразу II, который послал бы его на службу к своему сыну Ираклию в Грузию. Во-вторых, и это особенно важно отметить, Эмин, зная о политических связях русского двора с грузинскими национальными деятелями, решает использовать это обстоятельство, отмечая, что рекомендательные письма русского посла окажутся ему полезными на службе у Ираклия. Тактический ход Эмина оказался весьма действенным. В ответ на его просьбу А. М. Голицын, имея искреннее желание оказать содействие Эмину, пишет рекомендательное письмо (док. № 3) не какому-либо другому сановнику России, а именно графу М. И. Воронцову. Здесь, однако, возникает вопрос, почему русский посол избрал в качестве покровителя Эмина российского канцлера. Нам думается, не только потому, что он вынужден был «уступить ходатайству» Нортумберленда и Бата (док. № 3) и не столько потому, что Воронцов занимал в то время пост канцлера. Здесь важно отметить другое: Голицын, видимо, знал, что Воронцову должна была импонировать программа Эмина. И это подтверждается дальнейшим ходом событий. Так, уже в Петербурге российский канцлер охотно согласился отправить Иосифа Эмина в Грузию, снабдив его рекомендательным письмом к царю Ираклию. Воронцов в этом письме писал: «Как его светлость Теймураз Николаевич сего человека милостиво принять изволил с обещаниями, кои соответствовали его желанию, так прошу я и Вашу светлость равномерно его принять и высокой Вашей милостью не оставить, чем меня ко взаимным услугам весьма обязать изволите»¹.

Наконец, существовала еще одна причина. Русский посол в Лондоне находился в дружеских отношениях с М. И. Воронцовым. О близости А. М. Голицына с канцлером России свидетельствует не только историческая литература (непроста Голицын впоследствии не без помощи Воронцова становится вице-канцлером). Эта дружеская связь отчетливо проглядывает в их личной переписке (хранящейся в фондах архива ЛОИИ и ЦГАДА). Поэтому справедливо высказанное в специальной литературе мнение, что милостивый прием, который был оказан Эмину в Петербурге,—это главным образом заслуга Голицына. Вполне естественно, что в период Семилетней войны (1756—1763 гг.) одни английские рекомендации не могли иметь решающего значения для продвижения дел Эмина в России.

4. Из письма Голицына к российскому канцлеру (док. № 3) явно проступает желание автора письма расположить к Иосифу Эмину Воронцова. Характеризуя его как человека в некотором роде необыкновенного и отмечая его незаурядные личные качества (отвагу, редкостную одаренность, честность), Голицын советует принять Эмина на русскую службу. (Известно, что в России такое предложение Эмину было сделано.) Здесь напрашивается вопрос: неужели русских государственных деятелей привлекли в Эмине лишь его личная отвага и познания в военном деле? Личность Эмина могла заинтересовать Петербург скорее всего исходя из учета той политической перспективы, которая открывалась перед Россией во второй половине XVIII в. на Востоке. В преддверии новой активизации восточной политики России русскому двору нужен был деятель, наделенный особыми качествами. В этой связи приобретают значимость следующие строки из письма Голицына: «...он (Эмин,—Ж. А.), по всей видимости, располагает полезными сведениями об Османской империи и, надо полагать, имеет много единомышленников среди своих соотечественников-христиан...»

5. Исследователи жизни и деятельности Иосифа Эмина отмечали, что ему особенно импонировали две исторические фигуры—Петр I и Карл XII. Выясняется, что Эмин был знаком с биографиями не только этих государей, он хорошо знал жизнеописание и другого шведского короля—Густава Вазы. Эти исторические лица и становятся в некотором роде идеалом Эмина. Определенно ему были по сердцу их жизнестойкость и упорство в достижении цели. Ясно, что активная натура Эмина не могла перенять такие черты характера, как осторожность и «благоразумие», даже если они были присущи его собственному родителю.

¹ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 380, л. 1 об.

Эмин не скрывает своего намерения сыграть, подобно Петру I и Густаву Вазе, роль лидера нации. Эмин подчеркивал, что все лишения он вынес ради своих «несчастных соотечественников—армян» (док. № 1). «Я твердо вознамерился,—писал он далее,— подражать их великим деяниям, вдохновляясь их беспримерной целеустремленностью». Эмин хорошо понимал: для того, чтобы высшее общество признало за ним право лидера нации, недостаточно одного его желания и высоких личных качеств. Поэтому для большей респектабельности он, умалчивая о своем купеческом происхождении, не без умысла как бы между прочим сообщает послу А. М. Голицыну—своему первому «российскому патрону»: «Родные поведали мне..., что мы являемся потомками старинного и славного... рода» (док. № 1).

6. В специальной литературе отмечается, что армянский епископ Захарий, которого Иосиф Эмин именует епископом Захарием Тифлиским, был в рассматриваемое время посредником между Эчмиадзином (армянским католиком Яковом) и грузинским двором (царем Ираклием). Из публикуемого документа (№ 1) выясняется, что именно он, Захарий, должен был сопровождать Эмина из Еревана в Тбилиси, стало быть, обязанность представить Иосифа Эмина грузинскому царю Ираклию взял на себя епископ Захарий (или эта обязанность была возложена на него Яковом?). Но, как известно, планы Эмина круто изменились, и он ограничился лишь тем, что послал через Захария письмо Ираклию.

7. Подтверждается рассказ Иосифа Эмина, много позже приведенный в его автобиографии, о том, что прусский король Фридрих II хотел зачислить Эмина в свои войска, однако этому помешали непредвиденные обстоятельства. 20 августа 1758 г. он вынужден был покинуть лагерь прусского короля во Франкфурте-на-Одере. Таким образом, Эмин не участвовал в сражении между войсками Фридриха II и русской армией, состоявшемся 25 августа при Цорндорфе, после которого Фридрих отошел к Кюстрину. «Судьба... избавила меня,—пишет Эмин Голицыну,—от необходимости поднять оружие против Ваших непобедимых соотечественников—русских, Император и Повелитель коих Петр Первый был Отцом и Заступником моих несчастных братьев армян» (док. № 1).

8. Известно, что Эмин выражал недовольство недоверчивым отношением к его рассказам как к арабским сказкам. Вот почему он, кратко резюмируя события своей жизни, особо оговаривает: «За эти годы я претерпел столько тяжких бед и испытаний, что рассказы я их сейчас по порядку, они покажутся почти неправдоподобными, похожими скорее на арабскую сказку, нежели на истинное происшествие» (док. № 1). Здесь следует отметить, что документы, обнаруженные в русских архивах, подтверждают правдивость сведений Иосифа Эмина, изложенных в его автобиографии.

9. Переведенное А. М. Голицыным письмо Эмина на французский язык в целом точно воспроизводит текст подлинника, однако во французском варианте имеются незначительные купюры, которые при сличении все же обращают на себя внимание.

10. Необходимо обратить внимание на помету, которая имеется на письме Голицына—«получено 10 ноября» (док. № 3). Эта помета помогает уточнить еще одну дату биографии Иосифа Эмина. Не вызывает сомнений, что пакет с письмом Голицына вез с собой в Петербург сам Эмин. Известно, что он, держа путь в русскую столицу, 5-го ноября прибыл в Нарву. В то время путь от Нарвы до Петербурга занимал не более 4—5 дней. Значит, 9 ноября 1761 г. Эмин уже мог прибыть в столицу России. На следующий день канцелярия Воронцова регистрирует письмо Голицына.

Публикуемые документы выявлены в Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА)—документ № 1 (фонд 1263, оп. 1, д. 8177, лл. 1—2) и в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР—документы № 2 и 3 (ф. 36, оп. 1, д. 1105, лл. 108—108 об., 123—123 об., 109—109 об., 121—122). Архивные шифры документа № 1 указал нам А. В. Маштафаров, за что мы приносим ему благодарность. Перевод публикуемых документов на русский язык осуществляется впервые.

Кандидат историч. наук Ж. А. АНАНЯН

№ 1

1761 г. сентября 1.—Письмо Иосифа Эмина российскому послу в Лондоне А. М. Голицыну с просьбой снабдить его рекомендательным письмом для поездки в Россию

Sir

In Gratitude to your Highness's kind Reception, and agreeable to your Command, I am encouraged to take the Liberty to lay this before you as an Address, and short account of my adventures. It is hardly worth your Highness's acceptance, but as it is my Duty to obey, I shall do my best Endeavour to proceed according to my little Abilities.

I was born at Hammadan in Persia a Christian of an Armenian parent, in the begining of the reign of Tahmaz Kouly Kan. In the years of my infancy, I was inspired partly by my grandfather, by my own father, and relations, and partly by nature itself, in the noblest thoughts of patriotism. They also made known to me, that we were the descendants of an ancient family, of some distinction in that country. At this time Kouly Kan's tyranny began to grow insupportable even to his own army and best of friends, when my father prudently, but not bravely with three of his brothers flew to the East Indies Bengall, where he resides to this day. From thence after few years sent for me, and I went to him. There I have observed by the English, the superiority of the discipline of Europeans, navigation, laws, customs & s. & s. which struck me so very deep in the mind, that I formed a scheme to run away from my father in one of the East India Company's ships as a common drudger even not worthy of the name of a sailor, without any resource of money, friend or recommendation, and entire stranger to the language besides. And when I came to England I was four long years in the lowest servitude imaginable, unknown to any person of rank or birth, which I hope your noble soul will not despise, well knowing it was for my distressed countrymen the Armenians. And during that time my sufferings, patience in variety of hardships, even to this very instant which if it was told one by one, will almost appear incredible, and more like an Arabian Tale than a true history. I had no manner of comfort for my pains, but that of hearing from my tutor of the life of Peter Tzar the Great, of his coming to Holland for knowledge, from his extensive Empire to the ship dock working among the lowest of people; and of Gustavus Vaza labouring in the iron mines with his countrymen of Dalecarlia. I beg pardon for I do not, nor ever did presume to think myself on the least equality with those undaunted magnanimous heroes and patriots, but with an humble submission am firmly resolved to imitate their great actions, and to be encouraged by their inexpressible perseverance. I fear I am too tedious in my expression to your Highness, I crave your forgiveness, it is Your Highness's affability, and condescension which forces me to speak longer than I ought.

knowing his Majesty would never suffer any man remain in his camp under the denomination of volunteer. But luckily I was prevented of serving under him lest I should be obliged to lift up arms against your invincible countrymen, the Russians, whose Emperor and Sovereign, Peter the First, has been father and protector to my distressed countrymen the Armenians. I left His Prussian Majesty's Camp, in the year one thousand seven hundred and fifty eight in Frankford upon Oder, when he was going to give the first battle against the Russians in the environs of Custrin about three days' march from his capital town of Berlin. I went then and served a campaign under Prince Ferdinand (in the Bishoprick of Munster) who showed me great favours.

At my return from Germany to England after few months 1759 went to Alepo in Turkey and continued my journey from thence by land into Persia as far as Erevan very near going with Bishop Zacharia of Tiflitz to Prince Heraclius, but alas my funds failing me was constrained, though very unwillingly to return 1761 in the month of May.

My present intention is on the same plan, and of what your Highness have already been acquainted with by my patron Lord Northumberland, and my great friend Lord Bath to entreat to go to be recommended by your Highness's Favour, as my first Russian Prince Patron, there to Petersburg to some great man, whom your Highness shall judge proper, and the best way of being introduced to Tamraz Mirza, and by whose means to be sent to his son Prince Heraclius of Georgia at Tiflitz, that under so reknown, and illustrious a chief, I may have the satisfaction and honour of vindicating of Christian Faith and the Freedom of my Countrymen.

Lastly, I am persuaded that after the interests made use of by those noble men to you in my poor behalf; and your Highness reflecting seriously upon my designs which have been always guided by most honest, and Christian Principles, will undoubtedly forward them, by becoming my friend patron and protector hence forward, by giving me such letters of recommendations, as become of a great consequence to me, when I am in the service of that Prince, and by the assistance of the Almighty live to hear or to see infidel Mohametism demolished, and Christianity established all over the East, as it is in Europe. I have the Honour to be with the greatest gratitude, and utmost Respect

Your Highness's

most obedient and most obliged
and devoted humble servant

1st Sept. 1761

Hovsep Emin
of Hammadan in Persia

To His Highness the Prince Galitzin

*Перевод письма Иосифа Эмина, написанного
на английском языке российскому послу
в Лондоне А. М. Голицыну*

Сэр!

Преисполненный благодарности за милостивый прием, коим удостоило меня Ваше Превосходительство¹, и почитая за честь служить Вам, беру на себя смелость представить Вам в этом послании краткий отчет о событиях моей жизни. Они вряд ли заслуживают внимания Вашего Превосходительства, однако же повиновение, коим я Вам обязан, предписывает мне со всем тщанием исполнить это в меру моих скромных возможностей.

Родился я в Хаммадане в Персии в христианской армянской семье, в первые годы правления Тахмас-Кули-хана². Уже в раннем детстве я проникся возвышенными патриотическими устремлениями, чем обязан отчасти моему деду, отцу и родичам, а отчасти—самой природе. Родные поведали мне также, что мы являемся потомками старинного и славного в здешнем краю рода. В ту пору тирания Кули-хана стала невыносимой даже для собственной его армии и лучших его друзей. Тогда-то мой отец и предпринял весьма благоразумный, хотя и не слишком доблестный шаг: вместе с тремя своими братьями он покинул Персию и укрылся в Восточной Индии, в Бенгалии, где пребывает и поныне. Спустя несколько лет он прислал за мной, и я отправился к нему. Там я увидел, как много преимуществ дает англичанам их европейское образование, их искусство кораблевождения, их законы, обычаи и проч.; все это столь поразило мое воображение, что я решился бежать от отца и нанялся на один из кораблей Ост-Индской Компании, даже не в матросском звании, а чернорабочим, без денег, без дружеской поддержки и участия и совершенно не зная языка. Прибыв в Англию, я долгих четыре года влачил унижайшее рабское существование, каковое человек высокопоставленный и знатный не в силах даже себе помыслить; однако смею надеяться, что благородное сердце Ваше не преисполнится за это презрения ко мне, ибо я страдал ради моих несчастных соотечественников—армян. За эти годы я претерпел столько тяжких бед и испытаний, что расскажи я их сейчас по порядку, они покажутся почти неправдоподобными, похожими скорее на арабскую сказку, нежели на истинное происшествие. Единственным моим утешением было слушать рассказы моего наставника³ о жизни царя Петра Великого и Густава Вазы⁴: первый из них прибыл из своей необозримой империи в Голландию учения ради и трудился на корабельных верфях среди людей самого низкого звания; второй работал в железных рудниках вместе со своими соотечественниками из Далекарлии⁵. Нижайше прошу Вашего снисхождения, ибо я нимало не дерзаю и не дерзал равнять себя с сими неустрашимо-благородными героями и ревнителями о благе отечества, однако же при всей своей скромной почти-

тельности я твердо вознамерился подражать их великим деяниям, вдохновляясь их беспримерной целеустремленностью. Ваше Превосходительство великодушно простит мне, что я посмел столь долго занимать Ваше внимание, ибо не что иное, как великая доброта и благосклонность Вашего Превосходительства понуждают меня говорить далее, нежели должно.

По прошествии некоторого времени счастливый случай обратил на меня внимание графа Нортумберленда⁶, чье покровительство снискало мне поддержку Его Королевского Высочества герцога Кумберленда⁷, каковой отрядил меня в Королевскую Академию в Вулидж⁸; едва я достиг там определенных успехов в искусстве фортификации, как разразилась война⁹, и я был направлен служить под началом вышеозначенного герцога в Германию, в Ганноверский егерский полк¹⁰. Год спустя мне выпала честь находиться при ныне покойном герцоге Мальборо¹¹ во время высадки войск на побережье Франции¹². В том же году я поехал к королю Пруссии¹³ и встретился с ним, когда он руководил передвижением своей армии у границ Силезии; принял он меня весьма благосклонно, чем все были изумлены, зная, что Его Величество не позволяет каким бы то ни было волонтерам находиться в своем лагере. По счастью, судьба уберегла меня от поступления на службу к этому Государю и тем самым избавила меня от необходимости поднять оружие против Ваших непобедимых соотечественников—русских, Император и Повелитель коих Петр Первый был Отцом и Заступником моих несчастных братьев армян. Я покинул лагерь Его Величества Короля Пруссии в году тысяча семьсот пятьдесят восьмом во Франкфурте-на-Одере, когда он готовился дать первое сражение русским на подступах к Кюстрину в трех днях пути от своей столицы—Берлина¹⁴. Затем я принял участие в кампании под началом принца Фердинанда¹⁵ (в Мюнстерском епископстве)¹⁶, выказавшего мне большое благорасположение.

Спустя несколько месяцев после моего возвращения из Германии в Англию, в 1759 году я отправился в Алеппо в Турцию¹⁷, а оттуда по суше—в Персию до Еревана; я совсем было собрался вместе с епископом Захарием Тифлисским¹⁸ выехать к князю Ираклию¹⁹, но увы, мои средства истощались, и я, хотя и против воли, был принужден воротиться в Англию, куда и прибыл в мае 1761 года²⁰.

Намерения мои, как прежде, остаются неизменными, о чем Ваше Превосходительство уже изволили слышать от моего покровителя лорда Нортумберленда и большого моего друга лорда Бата²¹: нижайше прошу Ваше Превосходительство—моего первого российского патрона—рекомендовать меня в Санкт-Петербурге какому-либо значительному лицу, в выборе коего я всецело полагаюсь на Ваше усмотрение, с тем чтобы изыскать наилучший способ представить меня Тамраз-Мирзе²², каковой затем направит меня к сыну своему князю Ираклию Гру-

зинскому в Тифлис, где под началом столь достославного и знаменитого мужа я буду иметь удовольствие и честь защищать христианскую веру и свободу моих соотечественников.

И наконец, я убежден, что, памятуя о тех услугах, каковые мои великодушные ходатаи оказали Вам ради моей ничтожной особы, и серьезно обдумав мои замыслы, в которых я неизменно руководствовался самыми честными и христианскими принципами, Ваше Превосходительство, без сомнения, не откажет мне в своей дружбе, покровительстве и защите и снабдит меня рекомендательными письмами, каковые окажутся мне весьма полезны на службе у помянутого князя, где я уповаю дожить до лучших времен и услышать или увидеть падение неверного магометанства и установление христианства по всему Востоку, как в Европе.

С глубочайшей благодарностью и почтением честь имею кланяться,

Вашего Превосходительства
покорнейший, признательнейший
и преданнейший из скромных слуг

Овсеп Эмин
из Хаммадана в Персии

1 сентября 1761 г.

№ 2

1761 г. сентября 4.—Перевод на французский язык письма Иосифа Эмина А. М. Голицыну, отправленный им М. И. Воронцову²³

Traduction de la lettre de Mr Emin, Arménien, écrite à
M^r le Prince de Galitzin, à Londres le 1er septembre 1761

Rempli de reconnaissance de l'accueil gracieux, dont V. Ex^{ce} m'a honoré et obéissant à ses ordres, je prends la liberté de Lui présenter en abrégé un détail des circonstances, qui me regardent. Quoiqu'il ne puisse guère mériter l'attention de V. Ex., l'obéissance que je lui dois m'engage de m'en acquitter aussi bien qu'il m'est possible.

Je suis né à Hammadan en Perse des parents chrétiens et Arméniens, au commencement du règne de Thamas Kouli Kan. Dans mon enfance mon grand-père, mon père et mes parents m'inspirèrent des pensées nobles sur le patriotisme. Ma disposition naturelle les a peut-être secondés. Ils m'informèrent en même temps, que nous étions les descendants d'une ancienne famille de distinction dans ce pays. Dans ce temps-là, la tyrannie de Kouli Kan devint insupportable, même à sa propre Armée et à ses meilleurs amis. Mon père plus prudent que brave se retira avec trois de ses frères, aux Indes Orientales, à Bengal, où il demeure actuellement. Après quelques années il me fit chercher pour y venir chez lui. C'est dans ce pays-là, où je remarquais parmi les Anglais les avantages de la discipline des Européens, leur navigation, lois, coutumes etc. Le tout fit une telle impression sur moi, que je pris la résolution de m'enfuir de chez mon père et de me mettre à bord d'un

des vaisseaux de la Compagnie même dans un rang inférieur de celui d'un matelot sans aucune ressource d'argent, d'amis ou de recommandation et sans parler la langue. Quand je vins en Angleterre, j'ai resté quatre longues années dans la plus basse servitude inconnue à toute personne de rang ou de naissance. J'espère que cela ne me dérogera pas dans vos sentiments magnanimes, quand je déclare, que c'était pour l'amour de mes compatriotes persécutés les Arméniens que je souffrais. Si je faisais un tableau de toutes les peines et les fatigues, que ma patience m'a fait surmonter pendant tout ce temps et jusqu'à ce moment même, il paraîtrait plutôt pris d'un conte arabe que des vrais faits de la vie. Toute la consolation, que j'ai eue pendant ma misère, était la connaissance que j'avais des histoires de Pierre le Grand et de Gustaw Wasa: le premier étant venu en Hollande pour s'instruire et pour travailler avec des gens de la plus basse classe, et le second ayant été obligé de travailler dans les mines en Dalecarlie.

Et bien loin d'oser me comparer avec ces grands Héros et Patriotes, je pris seulement la ferme résolution d'imiter leurs grandes actions et persévérance sans exemple. Je demande mille pardons à V. Ex. de ce que j'ose l'entretenir si longtemps. La grande bonté avec laquelle Elle a bien voulu me recevoir, m'y encourage.

Après avoir resté quelques années à Londres dans ma misère, la Providence me procura le bonheur d'être connu de Mylord Northumberland qui m'ayant procuré la protection de Msg. Le Duc de Cumberland, S. A. R^{le} m'envoya à l'académie de Woolwich: à peine avais-je fait quelques progrès dans l'art militaire du génie, que la guerre commença et je fus servir sous ce Prince en Allemagne dans les Corps de Chasseurs d'Hanovre. L'année suivante j'eus l'honneur de suivre le Duc de Marlborough dans la descente sur les côtes de France. La même année je fus chez le Roi de Prusse et le trouvant à la tête de son armée sur les frontières de la Silésie, qui me reçut très gracieusement, dont un chacun fut surpris, sachant que Sa Maj. ne permettait à aucun volontaire de rester dans son camp. Heureusement je fus empêché de servir sous ce prince et de porter les armes contre vos compatriotes les Russes invincibles, dont l'Empereur et le souverain Pierre premier a été le Père et le Protecteur de mes compatriotes persécutés les Arméniens. Je quittai le camp du Roi de Prusse près de Francfort sur l'Oder l'année 1758 précisément quand il marcha pour donner bataille aux Russes aux environs de Custrin à trois jours de marche de Berlin. Je fus alors faire une campagne sous le Prince Ferd. qui a eu beaucoup de bontés pour moi.

Quelques mois après étant retourné en Angleterre, en 1759 je fis un voyage à Aleppo, en Turquie et de là sur terre en Perse jusqu'à Erévan. Je fus alors sur le point d'aller avec l'évêque Zacharie de Tiflitz joindre le Prince Héraclée; mais mes finances me manquant par des

accidents imprévus, je fus forcé contre mon gré de retourner en Angleterre, où je suis arrivé au mois de Mai dernier.

Mon dessein reste toujours le même comme V. Ex. l'aura peut-être appris de mon grand Protecteur le Lord Northumberland, ainsi que de mon grand ami le Lord Bath; c'est-à-dire d'aller sous la recommandation de V. E. à St. Pétersbourg, pour être introduit auprès de Tamraz Mirza, afin qu'il m'envoie auprès de son fils le Prince Heraclée de Géorgie à Tiflitz que je puisse être assez heureux de servir sous ce fameux et illustre Chef, pour avoir la satisfaction et l'honneur de combattre pour la foi chrétienne et pour la liberté de mes compatriotes.

J'ose me flatter que V. Ex. ayant eu un témoignage de mon honnêteté et de mes principes Chrétiens ne me refusera pas sa protection en me donnant des lettres de recommandation pour poursuivre mon dessein, ce que je reconnaitrai toute ma vie avec la plus parfaite gratitude.

*Перевод французского перевода письма Иосифа Эмина
А. М. Голицыну, отправленного им М. И. Воронцову*

Преисполненный благодарности за милостивый прием, коим Ваше Превосходительство меня удостоило, и повинуюсь Вашей воле, беру на себя смелость изложить Вам коротко кое-что из обстоятельств до меня касающихся. Хотя они вряд ли заслуживают внимания Вашего Превосходительства, повиновение, коим я Вам обязан, предписывает мне исполнить это, насколько то будет в моих силах.

Родился я в Хаммадане в Персии от христианских родителей армян, в первые годы царствования Тахмас-Кули-хана. В детстве мой дед, отец и все мои родичи внушили мне возвышенные представления о патриотизме. Быть может, тому способствовали мои природные склонности. В то же самое время они мне поведали, что мы являемся потомками древнего рода, славного в нашем краю. Именно в эту годину тирания Кули-хана стала невыносимой даже для собственной его армии и лучших его друзей. И вот отец мой, человек скорее осторожный, нежели храбрый, укрылся с тремя своими братьями в Восточной Индии, в Бенгалии, где пребывает и поныне. Спустя несколько лет он велел разыскать меня и привезти к нему. Именно в этой стране я мог убедиться, какие преимущества давало англичанам их европейское образование, их навигационное искусство, законы, обычаи и т. д. Все это произвело на меня столь сильное впечатление, что я решился бежать от отца и наняться на один из кораблей Компании в чине даже ниже матроса, лишенный всякой денежной и дружеской помощи или совета и не владея языком. Прибыв в Англию, я четыре долгих года прожил в самом унижительном рабстве, неведомом всякому человеку высокого ранга или знатного происхождения. Надеюсь, этим я не уроню себя в Вашем великодушном мнении, если заявлю, что страдал во имя любви к своим преследуемым соотечественникам армянам. Нарисуй я Вам карти-

ну всех тех горестей и тягот, кои я испытал, кои терпеливо принужден был одолевать в течение всего этого времени, да и поныне еще, то, пожалуй, показалось бы, что все это позаимствовано из какой-нибудь арабской сказки, нежели из действительных событий человеческой жизни. Единственным утешением в моем бедственном положении было то, что я знал жизнеописание Петра Великого и Густава Вазы: первый из них прибыл в Голландию обучения ради и трудился наряду с людьми самого низкого звания; а второй принужден был работать на копиях в Далекарлии. Не смея равнять себя со столь великими героями и патриотами, я однако же принял твердое решение—подражать их великим деяниям и их беспримерному упорству. Приношу тысячу извинений Вашему Превосходительству за то, что осмеливаюсь столь долго занимать Ваше внимание, но меня поощряет к тому великая доброта, с коей Вы соизволили принять меня.

После нескольких лет горестного пребывания моего в Лондоне Провидение даровало мне счастье быть представленным милорду Нортумберленду, который заручился для меня покровительством Его Высочества герцога Кумберлендского. Его Королевское Высочество отрядило меня в Вулиджскую академию; едва успел я достичь некоторых успехов в военно-инженерном искусстве, как началась война, и я отправлен был служить под началом вышеназванного принца в Германию в Ганноверский егерский полк. В следующем году мне выпала честь сопровождать герцога Мальборо во время высадки на французском побережье. В том же году я побывал у Короля Прусского, когда тот стоял во главе своей армии на границе Силезии; принял он меня весьма милостиво, чем каждый был поражен, зная, что Его Величество не позволяло ни одному волонтеру находиться в своем лагере. К счастью, обстоятельства не допустили, чтобы я служил под началом этого Государя и направил оружие против Ваших соотечественников, непобедимых русских, Император и повелитель коих Петр Первый был Отцом и Покровителем гонимых моих соотечественников армян. Я покинул лагерь Короля Прусского близ Франкфурта-на-Одере в 1758 г., как раз тогда, когда он выступил, чтобы дать сражение русским на подступах к Кюстрину в трех днях пути от Берлина. Затем я принял участие в кампании под началом принца Фердинанда, который выказал ко мне много доброты.

Несколько месяцев спустя после своего возвращения в Англию, в 1759 г. я предпринял путешествие в Алеппо в Турции и оттуда по суше в Персию до Еревана. Я тогда собирался отправиться с епископом Захарием Тифлиским, чтобы присоединиться к князю Ираклию, но коль скоро из-за непредвиденных обстоятельств денежные дела мои пришли в расстройство, я принужден был против своей воли вернуться в Англию, куда и прибыл в мае месяце нынешнего года.

Намерения мои по-прежнему остаются неизменными, о чем, быть может, Ваше Превосходительство узнали от великого моего покрови-

теля лорда Нортумберленда, так же, как и от большого моего друга лорда Бата: иначе говоря, заручившись рекомендацией Вашего Превосходительства, отправиться в Санкт-Петербург, дабы быть представленным Тамраз-Мирзе, с тем чтобы он направил меня к своему сыну князю Ираклию Грузинскому в Тифлис, где я почел бы за счастье служить под началом сего прославленного и знаменитого полководца, чтобы иметь удовольствие и честь сражаться за веру Христианскую и за свободу своих соотечественников.

Льщу себя надеждой, что Ваше Превосходительство, имея свидетельства моей честности и моих христианских убеждений, не откажет мне в своем покровительстве и даст рекомендательные письма, дабы я мог осуществить свое намерение, о чем буду до конца своих дней вспоминать с великой признательностью.

№ 3

1761 г. сентября 4.—Письмо А. М. Голицына канцлеру М. И. Воронцову с просьбой оказать содействие Иосифу Эмину

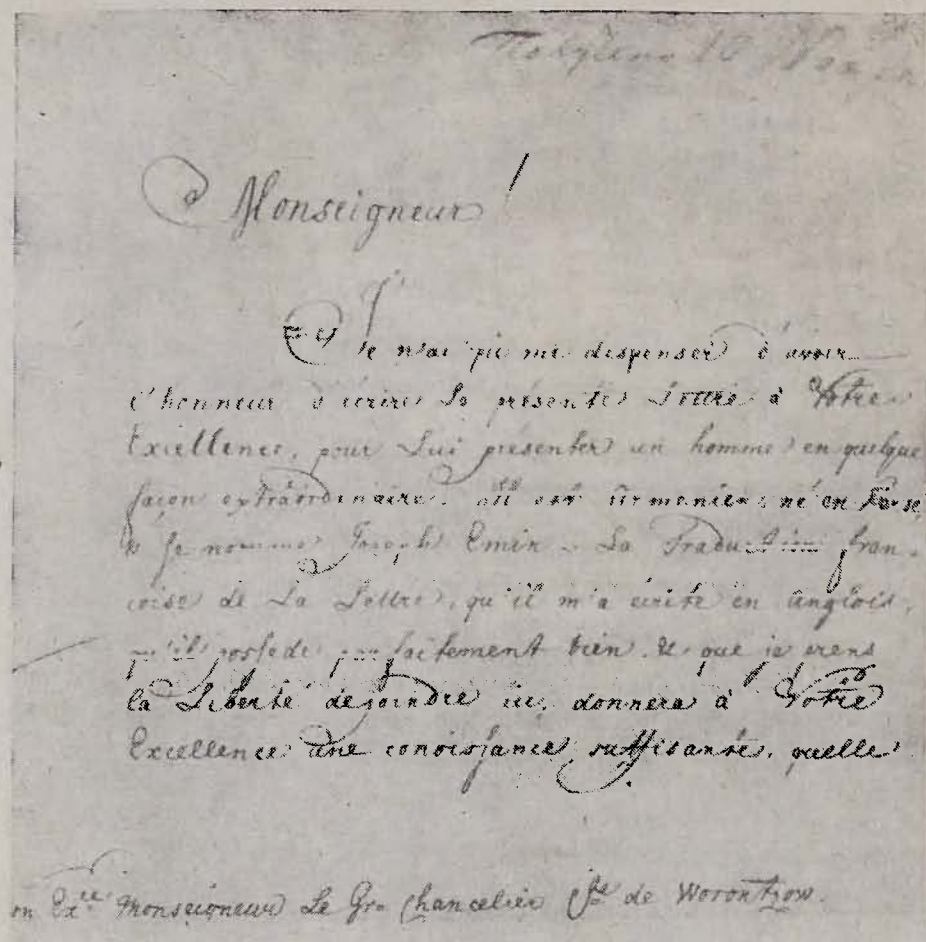
Monseigneur!

Je n'ai pu me dispenser d'avoir l'honneur d'écrire la présente lettre à Votre Excellence, pour Lui présenter un homme en quelque façon extraordinaire. Il est Arménien, né en Perse et se nomme Joseph Emin. La traduction française de la lettre, qu'il m'a écrite en anglais, qu'il possède parfaitement bien, et que je prends la liberté de joindre ici, donnera à Votre Excellence une connaissance suffisante, quelle espèce d'homme c'est, et du but, qu'il se propose en allant en Russie, sans qu'il soit nécessaire que j'en fasse ici une répétition. J'y dois nonobstant ajouter, que ce même personnage a su gagner l'affection et la protection de plusieurs personnes de cette Cour. Le Cte de Northumberland, un des premiers Seigneurs de la Chambre du Roi et chevalier de Lazarétière et le Cte de Bath, jadis si fameux dans le Parlement et connu sous le nom de Poultenay, qui l'ont le plus favorisé et assisté, me l'ont particulièrement recommandé, et m'en ont dit tant de bien, pour m'engager à lui faciliter une bonne réception auprès de Votre Excellence, que je n'ai pu que me prêter à leur intercession et de le recommander à la protection et bienveillance de Votre Excellence, d'autant moins que ces deux Seigneurs anglais accompagnent eux-mêmes ledit Emin d'une lettre par laquelle ils le recommandent beaucoup à M^r L'Envoyé Keith.

L'intention de cet homme étant de pouvoir aller servir sous le Prince Heraclée pour combattre contre les ennemis de ses compatriotes et du nom chrétien, il souhaite d'être introduit et recommandé au père de ce Prince, qui se trouve actuellement à St-Petersbourg.

Je dois soumettre au jugement éclairé de Votre Excellence sur quel pied il sera convenable de le seconder dans ses vues. Sa bravoure,

son génie extraordinaire et sa probité sont reconnus ici, et on veut qu'il a acquis de l'expérience dans l'art militaire. Ainsi il pourrait même être reçu utilement au service de Sa Majesté Impériale, d'autant plus, qu'il paraît avoir des connaissances utiles de l'Empire Ottoman, et doit avoir beaucoup d'intelligences parmi les chrétiens ses compatriotes, en cas qu'il y eût des difficultés à l'envoyer au Prince Heraclée, quoiqu'il

Monseigneur!

Je ne saurais me dispenser d'avoir
l'honneur d'écrire la présente Lettre à Votre
Excellence, pour Lui présenter un homme en quelque
façon extraordinaire. Il est sermoneur né en Perse
de son nom Joseph Emin. La Traduction fran-
coise de La Lettre, qu'il m'a écrite en anglais,
me le prouve, par sa façon bien. Et que je veux
la Liberté de rendre ici, donnera à Votre
Excellence une connoissance suffisante, quelle
en Ex^{te} Monseigneur Le Gr^{de} Chancelier J^e de Worontzow.

Письмо А. М. Голицына М. И. Воронцову, л. 1

paraisse n'avoir aucun autre point de vue que ce dernier. Et s'il n'y réussit pas, son intention est de s'en retourner dans ce pays-ci.

Il ne me reste, que de Vous demander bien des pardons, Monseigneur, de la liberté, avec laquelle j'adresse ce personnage à Votre Excellence qui ne manquera pas, en cas qu'il en obtienne, sa gracieuse permission, de lui donner un ample détail de ses aventures et de ce qu'il se propose.

J'ai l'honneur d'être avec les sentiments remplis du plus parfait et respectueux attachement,

Monseigneur!

De Votre Excellence

Le très humble et très obéissant serviteur

Pr. A. Galitzin

a Londre ce 24 août
4 Septembre
761

Son Ex^{ce} Monseigneur Le Gr.-Chancelier Cte de Worontzow.

Помета на русском языке: Получено 10 ноября.

*Перевод с французского языка письма А. М. Голицына
канцлеру М. И. Воронцову с просьбой оказать содействие Иосифу Эмину*

Милостивый государь!

Не за труд, а за честь почел я написать настоящее письмо Вашему Высокопревосходительству²⁴, дабы представить Вам человека в некотором роде необыкновенного. Он армянин, родившийся в Персии, и прозывается Иосиф Эмин. Французский перевод письма, которое написал он мне на английском языке, коим владеет в совершенстве, и которое я беру на себя смелость при сем присовокупить, даст Вашему Высокопревосходительству достаточное представление о том, что это за человек и какую цель он преследует, отправляясь в Россию, так что мне нет надобности все это здесь повторять. Однако же я должен все же добавить, что человек этот сумел снискать благосклонность и покровительство многих особ при здешнем дворе. Граф Нортумберленд, один из первых вельмож Королевской палаты²⁵, рыцарь ордена Лазаритов²⁶, и граф Бат, некогда столь знаменитый в Парламенте и известный под именем Пултеней, оказывали ему наибольшую протекцию и помощь, и они особо мне его рекомендовали и говорили о нем столь много доброго, чтобы взял я на себя труд способствовать его благосклонному приему у Вашего Высокопревосходительства, так что мне оставалось только уступить их ходатайству и поручить его покровительству и благорасположению Вашего Высокопревосходительства; тем паче, что двое этих английских вельмож самолично снабдили вышеназванного Эмина письмом, в котором они усердно его рекомендуют г-ну посланнику Кейту²⁷.

Коль скоро намерения человека сего состоят в том, чтобы служить под началом князя Ираклия и сражаться против врагов своих соотечественников и всех христиан, он желал бы быть представлен и рекомен-

дован отцу этого князя, каковой находится в настоящее время в Санкт-Петербурге.

Долгом своим почитаю представить на просвещенный суд Вашего Высокопревосходительства, каким путем способнее будет оказать ему содействие в его намерениях. Его отвага, его редкостная одаренность, равно как и честность, признаны здесь всеми, и утверждают, что он приобрел опыт в военном искусстве. Тем самым он мог бы даже не без пользы послужить Ее Императорскому Величеству, тем паче, что он, по всей видимости, располагает полезными сведениями об Оттоманской империи и, надо полагать, имеет много единомышленников среди своих соотечественников-христиан, на тот случай, если бы возникли какие-либо препятствия с посылкой его к князю Ираклию, хотя, как кажется, иных помыслов у него нет, и коль скоро он не преуспее в этом, то намерен вернуться обратно.

Мне остается только просить у Вас великого снисхождения, милостивый государь, за вольность, с каковой я направляю к Вашему Высокопревосходительству этого человека, который не преминет, в случае если получит на то милостивое Ваше соизволение, сообщить Вам во всех подробностях о своих приключениях и о целях, кои он себе ставит.

Имею честь, милостивый государь, пребывать к Вам в совершеннейшей и почтительнейшей преданности,

Вашего Высокопревосходительства
нижайший и всепокорнейший слуга
Кн. А. Голицын

Помета: Получено 10 ноября.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Голицын Александр Михайлович, князь (1723—1807)—государственный деятель и дипломат. Был послом России во Франции и в Англии (с 1755 по 1762 гг.); с 9 июня 1762 г.—вице-канцлер России (по 1775 г.). А. М. Голицын был причастен к государственному заговору 28 июня 1762 г., в результате которого престол перешел к Екатерине II. (В нашей первой публикации об Иосифе Эмине в примечание 7 вкралась ошибка относительно времени жизни А. М. Голицына—«Историко-филологический журнал», 1978, № 3, с. 264.)

2. Речь идет о Надир-шахе (Тахмас-Кули-хане)—шахе Ирана с 1736 по 1747 гг. Захватнические войны Надир-шаха привели к созданию обширной лоскутной империи, в которую была включена также Восточная Армения. В годы правления Надир-шаха был установлен режим жестокой тирании и грабежа. В результате заговора военно-феодальной знати Надир-шах был убит.

3. Речь, видимо, идет о Бёрке. Бёрк Эдмунд (1729—1797)—выдающийся публицист и государственный деятель Англии; в молодые годы Бёрк руководил самообразованием Иосифа Эмина.

4. Густав Ваза (1496—1560)—король Швеции с 1523 г. Достигнув 20-летнего возраста, принял участие в войнах регента Швеции Сен Стура с Данией. Он прославился своей храбростью в битве при Брэнкире. После перемирия с датским королем Христианом был отдан в заложники королю Дании, который велел отправить своего

пленника в Данию. Здесь он был заключен в замок Калэ в Ютландии. В 1520 г. бежал из Калэ, через Любек вернулся в Швецию и тайно пробрался в Далекарлию. О его первых шагах в Далекарлии мало известно. Впоследствии народная фантазия и поэты создали вокруг его имени целую героическую сагу, рассказывающую о переодетом в крестьянское платье беглеце с горячим характером и блестящим дарованием оратора. Далекарлийцы избрали его своим вождем. Опираясь на крестьянство и на горнорабочих Далекарлии, он выступил против датского владычества и восстановил независимость шведского государства. В 1523 г. в Стренгнесе риксдаг провозгласил Густава Вазу королем Швеции.

5. Далекарлия—гористая область в Средней Швеции.

6. Нортумберленд Хью Смитсон (1715—1786), лорд—известный английский политический и общественный деятель.

7. Кумберленд Вильям Август (1721—1765), герцог—сын английского короля Георга II и королевы Каролины, государственный и военный деятель Англии, участник Семилетней войны.

8. Вулддж (Вулич или Вулвич)—юго-восточное предместье Лондона, где была расположена основанная в 1741 г. Королевская военная академия.

9. Речь идет о Семилетней войне (1756—1763), в которой участвовали почти все европейские страны, в том числе Россия.

10. Ганновский сгерский полк входил в состав так называемой «Армии наблюдения», которая возникла по англо-прусскому договору от 11-го января 1757 г. Поскольку в то время Ганновер был связан с Великобританией личной унией, он был вовлечен в Семилетнюю войну. Главнокомандующим «Армии наблюдения» был назначен герцог Кумберлендский.

11. Мальборо Чарльз Спенсер—представитель аристократического английского рода, внук по дочери видного английского военачальника и дипломата Джона Черчилля Мальборо. В 1758 г. был начальником британских вспомогательных войск в армии Фердинанда Брауншвейгского. Умер 28 октября 1758 г.

12. В июне 1758 г. Эмин как доброволец участвовал в рейде войск под командованием герцога Мальборо на французское побережье в районе Сен-Мало.

13. Имеется в виду Фридрих II (1712—1786), король Пруссии. В ходе Семилетней войны он нанес ряд поражений австрийским и французским войскам, но эти успехи были сведены на нет победами русских войск; только благодаря благоприятным для Пруссии политическим обстоятельствам она избежала полного разгрома.

14. Эмин находился в армии прусского короля всего лишь 4 дня—с 17 по 20 августа 1758 года. Речь идет о сражении, которое состоялось 25 августа 1758 г. при Цорндорфе.

15. Фердинанд, герцог Брауншвейгский (1721—1792)—генерал прусской службы, во время Семилетней войны командовал одной из трех колонн прусской армии.

16. В Мюнстерском епископстве находилась ставка герцога Мальборо. Так Эмин вновь попал под начало Мальборо. Но общее командование войск осуществлял принц Фердинанд Брауншвейгский.

17. В Англию Эмин возвратился в конце 1758 г., а в мае следующего года он выехал в Турцию и далее.

18. Захарий—армянский епископ, проживал в Тбилиси и был близок к царю Ираклию II.

19. Ираклий II (1720—1798)—царь объединенного восточногрузинского государства Картли и Кахети (с 1762 г.), видный государственный деятель и дипломат. В своей политике он ориентировался на Россию, поддерживал тесную связь с представителями армянского освободительного движения.

20. Документально подтверждается высказанное А. Р. Иоаннисяном предположение, что из поездки в Армению Эмин возвратился в Лондон в мае 1761 г. См. А. Р. Иоаннисян, Иосиф Эмин, Ереван, 1945, с. 81.

21. Бат Вильям Пултеней (1684—1764), лорд—известный политический деятель Англии первой половины XVIII в.

22. Речь идет о царе Теймуразе II (умер в Петербурге в 1762 г.)—царе Кахети в 1733—1744 гг. и Картли в 1744—1762 гг. Он пытался достичь объединения Картли с Кахети, которая с 1744 г. управлялась его сыном—Ираклием II. В борьбе за освобождение Восточной Грузии от персидской зависимости ориентировался на сближение с Россией. Рассчитывая добиться от русского правительства военной помощи против Персии, Теймураз в 1760 г. отправился в Петербург.

23. Документ не датирован. Вероятно, перевод письма Эмина с английского на французский язык был осуществлен лично Голицыным не позднее 4-го сентября 1761 г.—дня, когда он написал сопроводительное письмо Воронцову (док. № 3). Кстати, паспорт, подписанный Голицыным и выданный Иосифу Эмину для поездки в Россию, также датирован 4-м сентября 1761 г.

24. Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767)—известный государственный деятель и дипломат, один из приближенных императрицы Елизаветы Петровны, участник дворцового переворота 1741 г., с 1758 г.—канцлер России.

25. Имеется в виду Палата лордов.

26. Лазариты—наименование монашеского ордена римско-католической церкви (название берет начало от обители св. Лазаря в Париже). Орден основан в 1632 г. Его члены занимались миссионерской деятельностью в различных странах мира.

27. Кейт Роберт—посол Англии в России с 1758 по 1762 гг.

ՆՈՐ ՎԱՎԵՐԱԳՐԵՐ ՀՈՎՍԵՓ ԷՄԻՆԻ ՄԱՍԻՆ (Հայ-ռուսական հարաբերությունների պատմությունից)

Պատմ. գիտ. բեկնածու Ժ. Հ. ԱՆԱՆՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո փ ու մ)

Հայաստան կատարած իր ուղևորությունից (1761 թ. մայիս) վերադառնալով Լոնդոն, Հովսեփ Էմինը սկսեց նախապատրաստվել Ռուսաստան մեկնելու համար։ Այդ ժամանակաշրջանի նրա կյանքի մասին սակավ տեղեկություններ ունենք։ Հայտնաբերված վավերագրերը որոշ շափով գալիս են լրացնելու սույն բացը։ Հրատարակվում է երկու փաստաթուղթ։ Առաջինը Հովսեփ Էմինի ինքնագիրն է։ Այն անգլերենով գրված նամակ է՝ հասցեագրված Լոնդոնում ռուսական դեսպան Ա. Մ. Գոլիցինին, որով խնդրվում է Պետերբուրգի ազդեցիկ անձանց ուղղված երաշխավորագրեր տալ իրեն։ Իսկ երկրորդը Ա. Մ. Գոլիցինի ֆրանսերենով գրած նամակն է Ռուսաստանի կանցլեր Մ. Ի. Վորոնցովին, որով խնդրվում է աջակցություն ցույց տալ Հովսեփ Էմինին։ Վերջին վավերագրին կցված է Հովսեփ Էմինի վերոհիշյալ ուղերձի ֆրանսերեն թարգմանությունը, որը Ա. Մ. Գոլիցինն իր նամակի հետ ուղարկել է Պետերբուրգ։

Հրապարակվող վավերագրերը հայտնաբերվել են Հին ակտերի կենտրոնական պետական արխիվում (վավերագիր № 1) և ՍՍՀՄ Պատմության ինստիտուտի Լենինգրադյան բաժանմունքի արխիվում (վավերագիր №№ 2, 3)։ Ողևորեն էն թարգմանվում առաջին անգամ։